

Книжная серия
ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ
Выпуск 3

*Книга – это событие,
Интернет – это будни.*

Книжная серия «Первый полет» призвана знакомить читателей с новым поколением русских поэтов и писателей Эстонии.

Издатели:

Эстонское Литературное Общество (EKS)

Воздушный змей – русская литература Эстонии (TVZ)

Художественное оформление серии Марек Аллвез

П.И.Филимонов
Мантры третьего порядка

Тарту 2007

П.И.Филимонов. Мантры третьего порядка: Сборник стихов, 2007.
– 76 с. – Серия «Первый полет», вып.3. Тираж 200 экз.

Редактор Безфармашинов

Сборник выпущен при поддержке фонда Eesti Kultuurkapital
Типография Bookmill, Тарту, Эстония

© П.И.Филимонов

© EKS, 2007

© TVZ, 2007

ISBN 978-9949-13-967-5

Мантры третьего порядка

ЧЕРЕПАХА

Черепаха убегает от Ахиллеса.

А могла бы стоять, всё равно не догонит.

Да и если б догнал бы, что б он с ней сделал?

Изнасиловал бы? Убил? Милосердный боже!

(Всё равно даже, какой, абсолютно любой с Олимпа.)

Это нелепая претенциозная шутка.

У героя нету к этому вообще интереса.

Что характерно, у черепахи тоже.

От этого жутко.

Чебурашка убегает от крокодила.

Не по обкурке. Просто ему надоело.

Сколько можно служить объектом для гнусных насмешек.

Зелёный скользкий юмор рептилии. Холодный юмор.

Ему сорок два года, давно время жениться,

заводить детей, потом отдавать их в школу,

а он всё скачет козлом в обществе злого дебила,

а сил уже нет – вчера, например, чуть не умер –

схватило сердце в разгар рок-н-ролла.

Че Гевара убегает от мотоцикла

по Аргентине, размахивая руками.

Сзади целится из миномёта сиволапый Борхес.

Всё равно ведь промажет – слепой, как известно.

Тем не менее, пробирает мороз по латинской коже.

Революции, *venceremos*, не получилось.

Можно уснуть, отдохнуть в ожидании нового цикла,

но, видит Бог, руки и ноги дороже.

Побереги себя, дорогой Эрнесто.

И черепаху тоже.

Здравствуй. Прими каблогранму из-под развалины постмодернизма.
Нет смысловых кирпичей, морфологии, ценза, цезуры – одни мемуары.
Я улыбаюсь с плакатов с налётом дешёвого эгоцинизма.
Викинги смысла пьют водку на выдох и к Фуле всё правят драккары.

Здравствуй, моя-не моя. Карфаген исполинскими волнами будет разрушен.
Что тебе в том? Ты играй золотыми перстами на камерной цитре.
Викинги смысла столетья спустя доберутся до этой задроченной суши.
Знаешь, чем дольше на свете живёшь, тем всё меньше желанья купаться
в селитре.

Здравствуй, моя Ифигения, Кариатида, наяда-дриада,
я всё скулю и бубню, хотя дел у меня, если честно сказать, выше крыши.
Полмиллиметра всего лишь от полуабсурда до полураспада.
С этим прощай. Не пиши. Не ищи. Вечно твой, Шишел-мышел.

СФОТОГРАФИРОВАНО?

Последний шумерский поэт
сдаёт в стеклотару бутылки,
флиртует с приёмщицей Люсей,
в ларьке покупает лосьон.

Последний шумерский поэт
божественно чешет в затылке,
поёт о пленительном вкусе
безудержно лучших времён.

Последний шумерский поэт
читает на стенках рекламу,
читает дорожные знаки,
случайный журнал «Пионер».
Он смраден, небрит и потёрт,
он похоронил свою маму,
он слышит, как лают собаки
ему из заоблачных сфер.

Последний шумерский поэт
вчера потерял свою кепку.
Теперь его плешь кроет снегом,
и льдом застилает глаза.
Придумал он нам Новый Год,
придумал нам сказку про репку,
и «Тетрис», и «Фанту», и «Лего»,
и письменность, и образа.

Последний шумерский поэт
зайдётся порой от восторга:
он брызжет слюной на прохожих,
талдычит им про абсолют.
А после – уходит от нас,
ведь ждёт его в сквере у морга
(они даже внешне похожи) –
последний читатель...
И пьют.

В маскхалате, под звуки последних иллюзий,
в перламутровом облаке жарких коротких ночей
я шепчу свой сезам. Открываются ржавые шлюзы,
но выпускают не воду, а пыль Королевы мечей.
(Всю дорогу опять я орал непристойные блюзы).

Я не Бродский. Не ваш. Я, хронически скажем, ничей.
Ни звезды не видать. Ни звезды, по-любому, не сделать.
Здесь утеряны коды, слова, инферналии, связки ключей.
Я рисую свой крест на воротах невидимым мелом.
Здравствуй, Гаммельн. Скучал? Я пришёл. И не надо речей.

Твои крысы, мой Гаммельн, сегодня отчаянно смелы,
твои дети играют в бутылочку, еле дыша.
Все твои фонари зажжены ослепительно белым,
в магазинах твоих, как в советской дыре, ни шиша.
Твоя птица заткнулась, но взяла себя в руки – и спела.

Я иду по пустынной аллее. Иду не спеша.
Это утро, мой Гаммельн. Бьёт пять на твоих непутёвых курантах.
Я улыбчив, как боги. В кармане моём – ни гроша.
Нынче праздник, мой Гаммельн. На мэрии – флаги и банты.
И весёлые ветры мои раздувают клеша.

Твои домохозяйки запомнят меня диверсантом.
Незамужние девки сгадают на джокера трэф.
В твоих виповских храмах помянут весну протестанты.
Ты увидишь, мой Гаммельн. Увидишь, что это не блеф.
А потом я стащу пирожок. И запью его тёплой «Фантой»

и у речки поймаю такси. Мне до космоса, шеф.

НАБОКОВСКИЙ СОНЕТ

Как нам понять прохладу молока?
Как нам понять огранку самоцвета?
Как нам понять последний месяц лета,
в котором – напрягись – и жизнь легка,

в котором (помнишь?) первая строка
испитого опального поэта
была тобою так фальшиво спета,
что дирижёр схватился за АК?

Количество любви исподтишка,
что пройдено бессонными ночами,
тождественно количеству свечей.

Но всё ж – от дома не найти ключей.
Надменная, ты повела плечами...

Как нам понять беспечность мотылька?

СПИРАЛЬ

Хочется сделать в шею
инъекцию лунного света.
Пишите мне письма, фея,
пишите, не ждите лета.

Пишите о том, как птицы
Вас в шесть утра разбудили,
как красили Вы ресницы,
сидя в автомобиле,

как Вы наливали какао
в чашку с портретом Брэд-Питта,
как Ваша кошка лакала
молоко на кухне сердито,

пишите о том, как папа
купил Вам манто из шиншиллы,
о том, как вчера Вас лапал
мачо, напившись текилы,

пишите о Вашей подруге,
что вышла замуж за грека,
о том, что жизнь – буги-вуги,
вот только нет человека,

который – и ставьте точки.
Я, типа, пойму, я умный.
Потом сожгите листочки
и высыпьте пепел в урну.

У нас то снега, то слякоть,
и ангелы здесь бескрылы.
И, в общем, хочется плакать,
тоже напившись текилы.

Счастье, скажу Вам, фея,
теоретически – рядом.
Вот только сделаю в шею
инъекцию Вашим взглядом.

ПЕПЕЛ

Я придумал нам новую жизнь –
ту, где ангелы строят нам куры,
где врачи безработны и хмуры,
где волхвы за работу взялись,
где нас всех воспоют трубадуры,
где все даты и стрелки сошлись.

Так не надо, прошу, этих поз,
этих гнусных зелёных листовок,
этих разных полячек, литовок,
этих соков стремительных лоз,
этих спяну забытых винтовок...
Пусть Иуда, но нужно ль взасос?

Горек жребий кривых Черубин –
истрепались рубашки пасьянса,
пастушок из цветного фаянса
расколослся на сто половин.
Только память хранит постоянство.
Только ГЭС не износит турбин.

А в ладонях – зола и гуашь,
да пластинки заезженный голос...
Сколько лет я прожил без глаголов,
поправляя впотьмах патронташ.
В одиночку на орды монголов –
вот такой я люблю абордаж.

Бойся: всадников, крика ворон,
перевёртышей, лиц без сомнений,
острой пищи, природных явлений,
соловьёв, голосающих из крон.
Пуще этих страшись сожалений.
Посмотри, как танцует Нерон!

И не стоит меня порицать –
я – один из расплавленной массы.
Меня часто несут мимо кассы
или просят там не пробивать.
Я последний автобус из Лхасы,
но не стоит меня отрицать.

Всё изменится, верь мне и жди –
будут клавиши пахнуть кагором,
буду трезвым лежать под забором
на дороге твоей в парадиз...
А ребёнка назначим Егором.
Потому что ветра и дожди.

Запиши этот день в дневнике,
нарисуй на полях оленёнка.
Если есть, то тащи киноплёнку
или кляксу поставь в уголке.
Ты такая смешная девчонка
с этим пеплом на левой щеке...

Вот приблизился. Тихо. Ложись!
Ведь не зря же мы рыли окопы,
добирались сюда автостопом,
взявшись за руки. И добрались –
из глубин малахольной Европы.
Я придумал нам новую жизнь.

Огоньки холостых маяков
имитируют путь в круговерти.
Чёрным налом, в красивом конверте –
коромысла счастливых подков.
Бог придумал нам старые смерти.
Он сильнее нас с тобой, дураков.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ НАСЛЕДНИКУ

Нож в паху, богиня Кали, тёплый запах экскрементов,
сквозь расширенные зенки ты срываешь респиратор...
Это всё, мой добрый гений, лишь один из тех моментов,
когда веришь безусловно – ты отныне император.

Позабудь отныне напрочь бескорыстную бодягу –
поклонение святыням, автономию провинций;
заучи четыре тома «Канцелярского живаго».
Слишком много стало знати – задуши десяток принцев.

Слишком много стало боли – запрети транквилизатор,
отмени вообще лекарства – слишком много стало боли.
Не забудь, мой добрый гений, ты отныне император,
на твоих губах улыбка, лёгкий привкус алкоголя,

«мы», застывшее навечно, да швейцарские уланы,
что из скальпов неугодных мастерят себе тулупы.
Ты мечтал об этой власти, справедливой и гуманной,
а какой же справедливец не оставит горы трупов?

Ты ломаешь континенты, ты рыхлишь рукой экватор,
ты не хочешь отдаваться неге царственной рутины.
Вот и всё, мой добрый гений, ты отныне – император,
и в твоей крови играет лёгкий привкус гильотины.

СЕМИРАМИДА-2

Я никогда не смотрел на тебя с точки зрения тела.
Я никогда не включал тебя в список своих кораблей.
День был субботний. Я вышел на улицу. Ты пролетела.
Я ощутил все пустоты звенящих нолей.

Я никогда не писал о тебе с точки зрения смысла.
Я не нашёл на тебя ни управы, ни просто досье.
День был субботний. Я вышел на улицу. В небе повисло
среднее между осадками и монпансье.

Я никогда не любил тебя в лоб с точки зрения пули.
Эти сады – не сады, а крошечный откат.
День был субботний. Я вышел на улицу. Пахло июлем.
С неба летело железо листьями. Такой листопад.

Я никогда не сливался с тобой с точки зрения точки.
Я никогда для тебя никогда для тебя никогда.
День был субботний и всё. Шелестели листочки.
Новые мантры ввинтили меня и добавили льда.

Философ выехал из пункта А.
на недоовплощённом самокате.
Навстречу – путник из квадрата Б.
Их окружает космос, синева.
Что им Геката? Что они Гекате?
Она погрязла в суетной борьбе

с Гекубою – за попаданье в вирши,
с Венерою – за яблочный раздор,
с Фортуною – за наши воплощенья.
Из пункта С. какой-то поезд лишний
несётся, расхерачив семафор,
на встречу с Анной К. Не в том прощенье,

чтобы вагонами дворянку поиметь,
а в том, чтобы найти ответ к задаче,
что будет вскорости оглашена.
Вот путник пересчитывает медь,
философ называет её «сдачей».
Каренина – меж рельс. Размозжена.

Итак, вопрос: кто первым видит труп?
Кто первым дозвонится в отделение,
заслужит знак «Помощник МВД»?
Незнание слетает с твоих губ.
Смотри в конец, в «Ответы и решенья».
Ответ: парашютист из пункта Д.,

ну, то есть, с неба. С неба всё видней:
все ниши, поезда и самокаты
и прочие иные коллективы:
философы в садах своих камней,
прохожие в объятиях Гекаты.
И мы видней, пока мы ещё живы.

ЕВРАЗИЯ

А с цивилизацией здесь туго...
Пчёлы засыпают на лету.
Солнце ходит по большому кругу,
только мы, в преддверии друг друга,
мучаем глазами пустоту.

Вот и всё. Как ты хотела, просто.
Ах, не ты хотела? Извини.
Не хочу объёма, веса, роста.
Вам привет, Батум-Мацеста-Хоста.
Смех как продолженье болтовни.

Ты же разбираешься в подтекстах
(я так думал – потому и плёл).
Мы – театр выхода и бегства.
Но за это боги платят экстра,
в смысле, дополнительный обол.

Жизнь прожить – не кошку переехать.
Пастернак в своём гробу затих.
Нам язык с ним – вечная помеха.
Донесло б издалека мне эхо
лишь три слова. Кратких и простых.

ХУЛИО

Ночь не уйдёт от воды.
В доме тепло и воздушно.
В два предрассветных часа –
стук хромоногих копыт.
Полночь скрывает следы.
В полночь под лампами душно.
Ляжет на мебель роса.
Бьётся о пол алфавит.

Стены бумажно тонки,
дом, как змея, закольцован.
Те же шаги за окном,
лифта свободный полёт.
Ждут свой черёд червяки.
Пластырем пахнет перцовым.
Слышишь? В бутылке с вином,
кажется, дзинькает лёд.

ЛЮБОВЬ НОМЕР

Октябрь. Слякоть. Естество
не верит в существо момента.
Мне не понять ни одного
на это дело претендента.
И дама сердца моего
не вылезает из цемента.

Почтовых стая журавлей
несёт над лесом ряд посылок.
От фантастических идей
саднит и чешется затылок.
И дама печени моей
мигает мне со всех бутылок.

И вроде нету серебра,
по крайней мере, на погонах.
И жизнь закончилась вчера –
так буднично, так гарнизонно.
И дама третьего ребра
сидит под яблоней с Ньютоном.

Так что, уедем в Петергоф,
забыв о наших Фермопилах,
смотреть на полудохлых львов,
водой сочащихся уныло?
И дама коренных зубов
мне выбьет цифры на могилах.

Но весь я не умру. Назло.
Мне всё равно, кто жрёт, кто мажет.
И даме станет запаadlo,
она сломается и ляжет.
И лимфатическим узлом
меня, бесплотного, завяжет.

МАРИЯ

А Мария молчит, и за завтраком снова молчит...

Алексей Кортнев

В ресторане поддатые боги
лепят мир из солёных грибов.
Я какой-то сегодня убогий –
ни таланта, ни мыслей, ни снов.

То сижу, сочиняю признанья,
то встаю, обвиваюсь лозой.
Прихожу временами в сознание
и тогда озираюсь гюрзой,

подхожу и черчу диаграмму,
говорю, маханув коньяка:
«Я попользуюсь Вашей дамой,
ну а Вы погуляйте пока».

Эта ночь не моя по дефолту,
и Мария кусает губу.
Ей слабо мне сказать «да пошёл ты...»
Из-за сора не видно избу.

Я красив и слегка хаотичен.
Я втыкаю в кабацкий шансон.
Этот мир мне опять симпатичен.
Это, видимо, новый сезон.

И тогда я включаю харизму
и с такой хрипотцой говорю:
«Я попользуюсь Вашей жизнью,
и верну. Где-то так – к сентябрю».

РЭМБО. ПЕРВАЯ КРОВЬ

Ночью орали фотографы, в мутных сугробах валялись.
Бегали математики – два вялых великоросса.
Ночью строгали плотники. Строгали и дострогались.
Утром пришёл Буратино. Заспанный и без носа.

Вроде не сифилитик. «Моген Давид» на шее.
Сомнительный чёрный пудель, хромая, тащился следом.
Ночью дошли шахтёры с Донбасса до Пиренеев.
Вышли и офигели. И посчитали бредом,

и повернули обратно. Только уже самолётом.
«Боингом», безусловно. Рейсом «Одиннадцать-девять».
Там стюардесса, насыпав стронция им в ризотто,
сказала: «Кто скушает первым, тот меня и разденет».

Но бастовали диспетчеры – ризотто случился холодным.
Шахтёры давились-давились, но уголь им как-то ближе.
А внизу, в бесконечном Нью-Йорке, мёртвый Сильвестр Сталлоне
лежал, постигая вечность, в кислой зловонной жиже.

АЙСЕДОРА

Надоело всё – хуже горькой редьки,
хуже Чёрной Речки,
хуже мятой пачки.
Передай привет шебутному Федьке,
запали мне свечку,
я полезу в тачку.

Отвези меня на большую стройку,
на Фонтанку-Мойку,
к вашей шайке-лейке.
Приведи ко мне из квартиры Зойку,
я сниму там койку
за свои копейки.

Буду жить винтом и ходить по лавкам,
разбивать по главкам
всё, что там увижу.
Буду кость бросать всем соседским шавкам,
буду с ними гавкать,
как Луна поближе.

Настрою письмо от руки я Катьке,
петербургской тётке,
грёбаной эстетке.
Напишу в письме: «Ты верни тетрадь-ка,
а то много водки,
а похмелья редки».

Нужному НИИ завещаю почки.
(Завещал бы печень,
но её не примут).
Мне давным-давно не хватает дочки.
И для сладкой речи
вреден здешний климат.

Сяду я писать под твоим окошком
на потеху кошкам,
перебитым лапкам.
Напишу тебе: «Я устал немножко».
А в кармане крошки.
Подбиваю бабки.

Крошки я скормлю воробьям на Невском –
всё же я полезный
(это чтоб ты знала).
На случайной фотке получусь нерезким,
а потом исчезну –
как и не бывало.

СИДЕНИЕ

Сижу один, иду на убыль
и называю имена.
Сейчас ширнусь веретена
и вмиг впаду в галлюцина-
цию. До поцелуя в губы.

Тебя пленяют паровозы –
сидим вдвоём за 100 км,
и каждый в горе и в уме.
Я шрамы покажу Фоме –
пускай он их опишет. Прозой.

Вот это, Маша, привиденье,
а не Дубровского рука.
Так что, сиди ещё пока.
Товарищ, верь: скостят срока
(примерным будет поведенье)!

А вы, друзья, как ни садитесь,
не получается пасьянс.
Не возбуждает ваш миманс,
и *circumcise* как *circumstance*.
Театр кончился. Сходитесь.

ПАРТЕНОГЕНЕЗ

Поэта далеко уводит луч,
резьбу срывает, разрывает гайку,
и зайку снова бросила хозяйка,
и, грустный, он гоняет стаи туч

и ждёт царевну, чтобы впитаться в губы
и подарить ей фрейдову морковь.
Им дым отечества – страшной ночного клуба.
Поэта глубоко заводит кровь –

то эрегирует, то просто в зажиганье
суёт плодово-фиговый листок.
Он Талию берёт под локоток
и в дом уводит быстрыми шагами.

А там, внутри – прохлада и калач,
и фунт изюма, сладкого, как мясо,
критичный взгляд, критическая масса...
Поэта до конца доводит врач-

нарколог или (чаще) венеролог.
И грудь в крестах, а задница в нулях.
А в зайку понатыкали иголок
акупунктура с ёжиком в долях.

И вот тогда, на кариозной даче,
заплачет зайка, лермонтов и тютч:
«Мой сладкий чай! Моя хмельная чача!»
Поэта так легко разводит ключ.

WITH A WHIMPER

В обеснеженном пространстве не слышать ни слёз, ни грома.
В обезнеженном пространстве – равнодействие всех сил.
Титанических усилий стоит выбраться из дома,
и залезть на антресоли – как сверзиться со стропил.

В обезвоженном пространстве звонко лопаются губы.
В обездвиженном пространстве всё линейно, как ни кинь.
Титанических усилий стоит долететь до Кубы –
лучше здесь, на полустанке, рухнуть в клевер и полынь.

В обезбуквенном пространстве слова не было в начале.
В обеззвученном пространстве больше нету новостей –
только эта: мимо света, мимо собственной печали,
мимо смерти, мимо рая – крысолов ведёт детей.

ЛТ ИЛИ ТРЕТЬЕ УТРО

Ногти – не признак красавицы,
вечность – не признак смысла.
Как вам это понравится,
граждане-одноверцы?
Всё, что тебя касается,
это размеры и числа.
Было мне откровение –
в твоей голове есть дверца.

Утром все простыни серы,
кристаллы жидки и матовы,
утром вращаются сферы
с довольно комичным скрипом.
Граждане-однолюбы,
холостые парни Саратова,
непобедима эрекция
вечного видеоклипа.

Здравствуй, моя неревнивая.
Давненько не брал я в руки.
Не мазал губ твоих сливою,
пропитанной в алкоголе.
Утро какое красивое...
Давай умирать со скуки!
Личные коды – фикция.
Полцарства за смену роли!

МЕНЕСТРЕЛЬ

Сегодня наши мысли словно шпаги.
Сегодня по нам ползает пчела.
Мы полные бессмысленной отваги,
хрустальны наши старые тела.
И вы меня, пожалуйста, не бейте –
сегодня я как камень на косе.
Лишь маленькая птица воробейчик
всё скачет по зелёной полосе.

Сегодня мы и воины, и воры.
Сегодня мы значительно молчим.
Мы строим капитальные заборы,
выкидываем в ночь от них ключи.
И вы меня сегодня пожалейте –
я пятый год на мясе и росе.
И маленькая птица воробейчик
всё скачет по зелёной полосе.

Сегодня дни особенно багряны,
сегодня ночи радугой страшны.
А мы – простые рыцари нирваны
и паладины антиновизны.
Понять меня, пожалуйста, сумейте –
я вас надую, бог меня простит.
И маленькая птица воробейчик
всё прыгает, никак не улетит.

АСФИКСИЯ

Ты забудешь меня через тысячу с чем-то секунд,
через пять тысяч вздохов, через одиннадцать тысяч
колыханий ресниц, что грядущий февраль рассекут,
чтобы правду о нас в цепенеющем воздухе высечь.

Ты забудешь меня через семьдесят песен цикад,
через тридцать четыре поездки на стареньком лифте.
И пускай моё имя – в самом обыденном шрифте,
ты забудешь меня, как только грачи прилетят,

и Саврасов посмотрит на них сквозь расколотый лёд,
настрогает полотен, тираж запродаст Третьяковке.
Ты забудешь меня, ну а я... Скоро кончится год,
Дед Мороз из-под ёлки свои разбросает листовки,

где напишет о том, что мистраль наполняет гортань,
что морёное дерево жадно трещит на пожаре,
что я вычтен зарубкой на чьей-то разбитой гитаре.
Ты забудешь меня. Да, забудешь. Молчи. Перестань.

И однажды пройдёт восемь тысяч рассеянных лет,
и мы встретимся чисто случайно на дальнем вокзале,
и, хоть муж и ребёнок тебе на меня показали,
ты не вспомнишь. Но вежливо скажешь: «Привет...»

Я смешаюсь, задёргаюсь, но буду рад и тому...
И опять меня память моя через город погонит,
возвращая... Неважно. Глаза покорятся бельму,
ты забудешь меня. Рим падёт. Атлантида утонет.

КОСМОС КАК ПРЕДЧУВСТВИЕ

До приезда в город Гагарина жизнь развивалась плавно:
бабы носились с вёдрами, химики делали сплавы,
мужья изменяли жёнам, отличники пили лосьоны,
девки снимали трусы, в зеркало глядя влюблённо.

До приезда в город Гагарина оркестры играли туши.
Мясники, влюблённые в девок, тырили с бойни туши
и, глядя всё в то же зеркало, мазали девок кровью.
До приезда в город Гагарина город дышал любовью.

Завод выпускал болванки. Тракторы рокотали.
Девкам ответно из зеркала улыбался ласковый Сталин.
Лосьон не всегда спасал отличников от пятёрки
до приезда в город Гагарина. После отъезда Лорки.

До приезда в город Гагарина всех женщин звали Юдифью.
Мужья никогда не путались (о, эта хитрость скифья!).
Получивший пятёрку в четверти думал о суициде.
После отъезда Лорки народ охладел к корриде.

Стрелки пересекались, брюнетки были блондинками.
Существовала традиция пить ночью чай с невидимками.
Мурашки бежали по коже, и сердце так сладко ахало.
До приезда в город Гагарина вечностью и не пахло.

Бог знает, кем доказано: есть логика в географии.
Столичный крутой папарацци снял из травы фотографию
для будущих полуподстрочников. Вот она фотка, смотрите ж:
Гагарин на бежевом ЗИЛе въезжает торжественно в Китеж.

УЛИСС

Говорят, у меня семь жизней.
«Фольксваген» несётся на взлёт.
Где же взять нам воск на затычки?
Это праздник работников почты.
Если долго смотреть на воду,
обязательно повезёт.
Вы можете мне не верить,
но я это знаю точно.

Говорят, я умею плавать.
И мой друг навсегда свинья.
Ослепительны ваши дети –
не берёт их царская граппа.
В общем, так. За далёким морем
всех и каждого ждёт семья,
а пока деревянные кони
предсмертным давятся храпом.

Говорят, меня ждёт Пенелопа.
А ещё говорят, не ждёт.
Но несётся вперёд Аршавин,
и есть пока пиво и чипсы.
Так что – на кол ваших рапсодов.
Завтра минет девятый год.
Я проснусь и рукою, чуть слышно,
проведу по спине Калипсо.

ХИДЖРА

Пропитана полночь твоим ароматом,
и плоть превращается в прах.
Не жди меня в светлых шатрах –
я контекстуален. Я атом.
Ночь падает яблоком в эти ладони.
Так тихо, что слышен скрип звёзд.
Забей на молитву и пост.
Заметь – никогда не бывает погони.
Нас время, как бусы, на нитку нанижет,
заплатит пространству калым.
Поздненько умирать молодым.
Луна высока. И Медина всё ближе.

КИТАЙСКИЕ ШАШКИ

*То Луна повернётся обратной своей стороною,
то говнюк на вокзале захочет меня застрелить.*

Алексей Паперный

Пуп Земли находится в Генуе, на улице Дарио Фо,
между домом номер четыре и зелёным мусорным ящиком.
И когда ты поймёшь, что приблизился окончательный семафор,
нужно туда поехать, встать и заплакать по-настоящему.

Заплакать о том, что боги перестали взять тебе шарф,
о том, что стоять уж нет мочи, а всё не приходит сменщик,
так по-мужски заплакать, до боли, до свиста в ушах,
о том, что с момента рождения жить остаётся всё меньше.

И едут и едут в Геную толпы угрюмых мужчин –
поездами, автомобилями, какая-то часть – на танках...
А женщины сердобольны. И это одна из причин,
по которой всё больше граждан женятся на итальянках.

ИВАНОВ ДЗЭН
(перевод с белорусского)

Бегут с огнём. Такие времена,
что женщин в инкубаторах не держат,
что каждый новый только множит скрежет,
а каждый старый нижет ордена.

Бегут с огнём, сигают в стремена,
им нет ни ожиданий, ни томлений.
Шкала одна, но нет на ней делений,
а без делений – разве ж, блин, весна?

Моя душа – она завершена,
она вовлечена, она надвратна,
она стозевна, лаяй, и обратно...
Бегут с вином.
Сижу. Хочу вина.

Hic sunt leones

НІС SUNT LEONES

Пост-поэма

Посвящается тебе

Вся наша прошлая любовь – жёны да трупы.

О.Ч. Суинберн

1. Gato Blanco

Это дивный вечер. В небе – стрела.
Мы сидим по две стороны стола.
И твоя рука на мою легла.
Так останься ж со мной, бога ради.
Агропром, лимоновцы, пост ГАИ...
Твоё счастье лежит у меня внутри.
Милая, мой телефон 03.
Что ж мы стонем, как битые б**ди?

Как сладка и прохладна губ твоих алыча.
Знаешь, милая, к чёрту того врача,
кто сказал, что рука твоя горяча
оттого, что в ней спрятан вирус.
Наши лица, милая, как мезозой.
Ты была моей золотой стрекозой.
Я напился твоей хрустальной слезой –
и от этого рано вырос.

Ты жила в том городе, где Луна
заполняла ночи твои без сна,
повторяла твои и мои имена
и лишала тебя рассудка.
Милая, есть что-то в твоей крови,
от чего меняют цвета муравьи.
Ты же знала, что мой телефон 03,
ты была моей забывкой.

И когда я бился о стену лбом,
ты пришла ко мне во всём голубом.
Я стоял и стоял соляным столбом
и не смел протянуть к тебе руки.
Ты смеялась, ты мне сказала: «Смотри».
С твоих рук ели зяблики и снегири.
Я сказал тебе: «Мой телефон 03,
а все женщины, знаешь ли, суки».

Ты уехала в город, где нет китов,
где шумели турбины в пятьсот винтов,
где хихикали боги из всех кустов,
и куда мне не было визы.
Я остался, милая, я болел.
Я не звал тебя (даром, что хотел).
Я пил водку, чай, впопыхах старел,
бил костяшки в кровь о сервизы.

Ты звенела летом в магнитный шторм,
ты встречала солнце, ты дула в горн,
по утрам богам насыпала корм,
запретила все телефоны.
Я исписывал кучу разных бумаг,
я не звал тебя (с детства был дурак),
я ходил за покупками в универмаг,
слушал музыку бледным фоном.

Так прошло семь лет и ещё полста.
Мне-то что, я битый, мне как с куста.
Моя жизнь, как была изначально пуста,
так такой до конца и осталась.
Ну а ты... потеряла цвета зари.
Заклевали твоих богов снегири.
И ты даже хотела звонить 03.
Я не знаю, как ты сдержалась.

Я пишу тебе, а внутри червяк.
Я червивый, милая. Снял пиджак.
Для тебя – запоздалый мой краковяк,
хоть нельзя ничего поправить.
Это дивный вечер. В спине – стрела.
Кто ты, милая? Тень ли ты от крыла?
Или звук вертящегося сверла?
И мне шлют е-мейлы, что ты умерла,
и что есть бумага в Минздраве.
Но ты сидишь вот здесь, на краю стола,
и твоя рука на мою легла.
И отрицать я это не вправе.

2. Васильев

Колесо велосипеда соседской девочки превращается в восьмёрку и
заваливается на бок.

Неистово пилит скрипка.

Странная штука мир.

Ещё страннее – твоя улыбка.

3. Средние лета

Когда свеча течёт на жалюзи,
когда играют флаги,
мой друг, меня ты кармой не грузи,
а дай отпить из фляги.

Когда комар алкает моих вен,
когда песок меж пальцев,
мой друг, не надо мне кричать про дзэн –
я не за португальцев.

Когда звонишь ты девушкам в ночи,
зовёшь купаться в реках,
мой друг, меня любовью не лечи –
я сам такой же лекарь.

Иерусалим прекрасен, словно день,
как ночь, прекрасна Кааба.
Смотри, смотри, в кустах стоит олень,
а под ногою – жаба.

4. Поэзия вообще

И она, вся такая расстёгнутая,
в красном лифчике на пустующей площади.
Как же трудно было хранить инкогнито,
до тех пор, пока не затопали лошади, лошади, лошади, лошади,
лошади...

5. Вечер у Клэр

Троянский конь побил его ладью.
Таксисты поправляют аксельбанты.
Последний день. Последнее «адью».
Шампанское. Одоевский. Пуанты.

Трепещет Аннушка. И скатерть в васильках.
С календарей глядят портреты Будды.
И засыпают дети на руках.
Окурки напомаженные всюду.

Трепещет пламя. Перебор струны.
«Владимир, почитайте лучше Блока».
И до зарплаты все они равны.
Хозяйка повернулась полубоком.

На бутербродах – шпек и пармезан.
Неровный шёпот голосов в прихожей.
Хозяйка любит – видно по глазам.
Он на диване. Прилипает к коже.

Трепещет воздух. Льётся молоко
в стаканы и негромко из колонок.
Он ловит миг. На столик рококо
кидает даму. «Ваш кузен – подонок».

Он ест глазами плечи, декольте...
«На чай оставить рубль иль рубль с полтиной?»
Так застывают мелом на холсте
романтики Советской Украины.

6. Альмутасим

Я погружаюсь снова в кровать
и думаю о Боге,
о жемчужной пироге.
Вновь завтра утром придётся вставать
и мучить Элвиса Пресли
бесконечными «если».

А ты могла бы со мной разделить
мои светлые стены
да искусство измены.
Я обещаю тебя веселить
разговором о Боге,
об идущей подмоге.

Капюшон не удержит трухи –
голова полна пепла,
твоя вера окрепла.
О, как прекрасны стальные стихи,
что проткнут твою мочку,
ампутируют почку.

Нет ответа на десять гудков –
это значит, я умер,
утонул в белом шуме.
Твой мопед потерял седоков,
свил колёса в восьмёрки
в память Гарсия Лорки.

Собери чемодан мне скорей –
я уеду на Север,
где ублюдочный клевер.
И в один из своих сентябрей
напишу я о Боге,
о копчёной миноге.

Если дочь, дом взорвут женихи,
заберут её тело.
А чего ты хотела?
Если сын, пусть не пишет стихи –
хуже красного цвета
на семью два поэта.

Так прощай, я уже не проснусь –
там малиново-ярко,
там напоят «Кадаркой».
Дорогая, забудь эту гнусь –
меня не было. Точка.
Зарастёт твоя мочка.

7. Костанжогло

В борьбе с переменным количеством квот
такой вариант бесконечно противен.
Уйди, убирайся, не суй мне свой рот.
Я сволочь. Я ВИЧ-позитивен.

8. Первый брак

Негритянские гимнастки
на большом зелёном шаре,
что вы ищете в Сиккиме,
где выгуливают псов?
Что вы видите, глазуньи,
В этом едком скипидаре?
Нет на вас своих Гольбейнов
среди алых парусов.

Толстогубые нимфетки
из далёкого Найроби,
кимберлитовые трубы
отменили ваш уют.
Что находите вы, феи,
в этой крови антилопшей?
Что вы шепчете туканам?
И о чём они поют?

Фиолетовые парки,
нагадайте мне глициний,
нагадайте мне касаний,
нагадайте Карфаген,
чтобы ночью был я весел
среди выщербленных линий,
в этой комнате, где Кафка
и промышленный рентген.

Гуттаперчевые ласки,
ритуалами йоруба
содрогаются жирафы,
улепётывают львы.
Я лежу под одеялом,
я начистил свои зубы.
Я умею делать больно.
Я такой же, как и вы.

9. 01:42

Выйди мне навстречу,
спрячь в ладони нож.
Я тебе отвечу,
если ждёшь.

Пчёлы крутят сальто,
мыши ждут кота.
Нацепила шаль ты –
красота!

Вот все ваши жизни,
отдых среди трав.
Эпоксидкой брызни,
если прав.

Я же твой кораблик,
ты – мой материк.
Спрячь в ладони саблю
или штык.

Жаром пышет домна,
где-то ждёт кровать.
Умирать нескромно,
если знать.

10. На смерть Кастанеды

Нагой эстет лимонно-кислых вод
просунул ногу в порванный живот.
Вокруг, смеясь, лежал пейотный сквот.
И вот.

11. Тебе, если ты

Напьемся ямайского рому
холодным ноябрьским днём –
и всё будет вмиг по-другому,
и мы никогда не умрём.

Накупим себе стекловаты
на деньги последних славян.
Мы тоже с тобой виноваты,
в нас тоже есть этот изъян.

Пойдём, прогуляемся к морю,
вдохнём эту горькую слизь.
О музыке громко поспорим,
о том, как мы лихо спаслись.

Нам поздно лечить наши души –
мы любим неправильный мир.
Мы ходим по заспанной суше,
мы не засоряем эфир.

Интерлюдия. «Аспирин»

Дорогая, с твоею-то грацией
всё закончится дефенестрацией.

12. Барсетка

Ты похожа на Юлю из Риги –
так же страстно ты любишь интриги.
Ты похожа на Аню из Питера –
начинаешься с той же ты литеры.
Ты похожа на Риту из Вильнюса –
то и сбудется, что тебе вынется.
Ты похожа на Нину из прошлого –
так же можно садиться непрошеным.
Ты похожа на Надю метельную
(про неё надо б сагу отдельную).
Ты разрезана, сшита, прессована,
изнутри во мне татуирована.

13. Синхронное плавание

С глубоким прискорбием сообщаем,
что на тридцатом году своей пытки
сидим в одинокой квартире за чаем,
и только воды в квартире в избытке.

Сахара мало, в пакетиках – стружка.
К чаю ни пряников нет, ни баранки.
Разбилась любимая старая кружка.
В телевизоре плавают китайки.

Завтрашний день ничего не пророчит.
И послезавтрашний, видимо, тоже.
Тот, кто звонит, говорить не хочет.
Китайки мне строят страшные рожи.

Немыслимы все острова и котурны.
Слипаются глаз в предвкушенье ночлега.
Куришь, пока не становится дурно.
Все мысли о вечном съезжают на эго.

Богиня, за что Вы ко мне одиноки?
За то, что не принял Ваш пламенный вызов?
Отрежь, наконец, свои бледные ноги.
Богиня, не трогайте мой телевизор.

14. Православие моё

Соловью не унять весла.
Слаще мёда сейчас зола.
Stabat mater. В руке – игла.
И течёт Карфаген по венам.

Улыбается пьяный сфинкс
сквозь восьмёрки контактных линз.
Киев, там, или, скажем, Минск,
видно, будет моим Карфагеном.

А вельветовые штаны
под роптание жили и карны
оказались нет, не равны.
Значит, шиты не Пифагором.

На Синае аз гой еси.
На «восьмёрке» по всей Руси
сколько ри не исколеси,
всё равно помирать под забором.

Улыбается пьяный секс
сквозь восьмёрки латышских век-с.
На доске плачет *solus rex* –
на прощанье ожгли крапивой.

На Синае изгой еси.
Cara mia, ti amo, si.
Всё. Насрать. Вызывай такси.
Я оставлю тебе на пиво.

15. Coup d'etat

У него же толстые пальцы,
и работает он учителем.
Почему же тебе он так нравится,
до восторгов доводит мучительных?

Он какой-то сморщенный, кожистый,
он не знает Жан-Поля Готье.
Почему ж на него так ведёшься ты,
что готова в одном белье

умолять его, стройная, тонкая:
«Не ходи по карнизу, слазь?»
Он заделал тебе ребёнка,
помер – и оказался князь.

Твою дочь воспитали стаканами
и держали на заднем дворе.
Что же, здравствуй, княжна Тараканова.
Я твоя Катерина Рэ.

16. Барклай

Спасибо за чай. Спасибо за то, что как будто ничего и не должен. Наверно, прощай. Запутался в плюшевых тапках в бирюзовой прихожей. Покурим с тобой, в последний раз покурим на жёлтой лестничной клетке. В кармане – ключи, и пальцы твои и любимые наши конфетки. Так редко смотрел в твои глаза, что я уже не помню их цвета, ни запаха звёзд, ни вкуса морей, ни ощущения рассвета. Так кем ты была? Была ли ты мной? Была ли ты ангелом мне или богом? Стучит молоток за этой стеной и меня так мучительно душит изжога. Ну всё, я пошёл. Мне ехать четыре часа по неизвестной дороге. И нет пропусков, ни билетов, ни виз, но это как-то не вселяет тревоги. Я им покажу твою фотку, и меня вмиг пропустят любые пикеты. Всегда найдётся такой, кто поднесёт язычок к голове твоей сигареты.

17. Коррида

Летим, поём без всякого усилия.
Мы тяжелы беременностью снов.
Земля, качай, целуй своих сынов.
В глазах – востоки. В холке – бандерилья.

Интерлюдия. «Божественный ветер»

Не плачь, Мидори.
Я восьмой по порядку.
Ну, здравствуй, Земля.

18. Золото

Не до звезды. Огня налили в чашу.
Пируют бабочки, аорты растворив.
И снег как дождь. И полночь, словно каша.
Смотрю на руку и читаю миф.

Я так крылат, что больно прикоснуться.
Я так заласкан, что плююсь огнём.
D'accord, mon ange. Клади ладонь на блюдец.
Ты в ней, мы в нас, а кто-то даже в нём.

Хочу сказать: мне нравится молчанье.
Хочу сказать: я вырвал свой язык.
Не чтобы жёг, а просто – до свиданья.
Так веселей, я срежу напрямик.

Теперь терпи. Теперь крути восьмёрки.
Теперь ложись в свинцовые гробы.
Живой в гробу – потеха для галёрки.
И ты вот тут. И нужно было бы.

Под свой язык ты положи икринку.
Рукой потрогай мой обычный сплин.
Не до звезды. Уйми свою волюнку.
Ах, тоже мне, большое дело, блин.

19. Буйволиная песня

мимо сада, мимо снегопада
мимо Сталинграда (на вратах щиты)
мимо акколады, мимо анфилады
на пинаколаду не надейся ты

мимо света, мимо Пересвета
мимо Челубея и Осляби тож
мимо культпросвета, мимо пистолета
мимо кастаньеты не опасней нож

мимо зала, здания вокзала
мимо настигала голубая мгла
мимо говорила, мимо ты сказала
мимо вслед бежала, мимо не дала

мимо клонов, мимо фараонов
мимо галеонов где сверкает шпиль
мимо вип-салонов, мимо пантеонов
мимо миллионов только пыль, пыль, пыль

мимо кровь густеет, жжёт слюна загривок
мимо проплывают рельсы, города
мы вас тоже любим, ангелы прививок
мимо мимо мимо мимо, но куда?

20. Метрополитен

Не служить обедни
даме-информатору.
Мишима, кабуки,
ангелы являются.
Скачет всадник бледный
вниз по эскалатору:
«Осторожно, суки,
двери закрываются».

21. Как свирель

Восемь нот у моей валторны.
Мы с тобой как Ганзель и Гретель.
Рифмы нет вообще, да и ладно.
Мы с тобой как Проктер энд Гэмбл.

Три пьяных женщины рядом
с одним чумазым ребёнком.
Одна смотрит так пристально, жадно.
Похоже, она меня вождедеет.
У неё лоснящаяся кожа
и смешные девичьи веснушки.
Возможно, она пишет картины.
Возможно, она даже любит Брамса.
И вот как раз своим духовным миром
она меня тем больше раздражает.

Научи меня играть на жалейке.
Научи меня слагать баллады.
И тогда я, как Эннио Морриконе,
Буду петь быкам уходящим песни.

Я отчасти акын. Отчасти
я люблю словесные узоры.
Отчасти ж – это мой способ общенья
с тобой, моя ... кто? Лорелея?
Дездемона? Джульетта? Джоконда?
Мадонна? Анастасия Волочкова?
Дженис Джоплин? Янка? Йоко Оно?
Женская сборная Костромы по самбо?
Ну, словом, я надеюсь, ты-то знаешь...

Так вот – я пою для тебя, если ты.

Кинь мне в шапку немного нежности,
немного касаний пальцами шеи,
ненакрашенных прощальных поцелуев.
Пусть мы будем как – ну, я даже не знаю...

Знаешь, в сущности, всё, что я сделал –
только ссылки на бóльшие файлы.
Открывай их, если очень захочешь.

Это – месяц под номером восемь,
И я включаю режим ожидания.

22. Главспирттрест

Иногда, среди тусклых окраин
в голове перламутрится нить:
всё равно мы в конце умираем,
так к чему огород городить?

23. Новая волна эротизма

Эти горькие снадобья, этот серебряный рис.
Мы всегда были вместе, и в этом был ужас и приз.
Мы висели на мачте, ввосьмером проклиная богов,
мы ползли в полусне по последним из первых снегов.

А потом заиграла труба, и мёртвые стали стеной.
Я почувствовал руки тех, кто тоже родился весной.
Мы покрасили волосы и недобелили холсты.
Нас осталось лишь семь бесконечных жрецов пустоты.

А потом стало жарко, и трепетно фыркал огонь.
Мы тушили окурки о вытянутую ладонь.
И охрана несла нам вино и резала мякоть сыров.
Вшестером за столом мы бухали за прочность миров.

Когда строился город, мы сделали вид, что мы спим.
Не про нас эти радости бычьи, не нам этот Афропекин.
Мы месили раствор и порой разводили ключи.
В десять рук под гитару мы били свои кирпичи.

Это эра разврата, Месячник Красной Избы.
Мы бежали по площади, роняя слова и грибы.
И когда нас ловили в прицел, мы петляли, слагая зигзаг.
Вчетвером веселей и сподручней выискивать знак.

Нет баранов на капище, нет агнцев в картонном хлеву.
Если ты любишь сон, то я колочусь наяву.
Если ты любишь явь, то я раздеваюсь во сне.
Мы втроем на постели. Привет заходящей Луне.

Выпей, выпей, подруга. Давай, пока люди берут.
Вот билет в Улан-Батор, а хочешь, вот пропуск в Бейрут.
Все машины гудели, все лошади били крылом.
Мы вдвоём, словно Белка и Стрелка. Остальное всё – металлолом.

Вот и всё, я закончил. Ах, дайте мне в руки насос.
Я всё время чего-то боялся. Но пока я боялся, я рос.
И теперь в полусне на сосне я пою перламутровый гимн.
Я один, словно снайпер в засаде, и мне не дано быть другим.

24. Выход

Сиреневый сентябрь, трески аэропланов.
Я куда-то бегу, как будто ещё успею.
О, эти пухлые губы и аромат тюльпанов!
О, этот синий глаз, который всего вкуснее!

Небо рисует мне завтрашние пейзажи.
Вырез твоей рубашки запомнят автомедоны.
Моё небо ласкает изысканный привкус сажи.
О, это «Алиготе» и завтрак на три персоны!

Посмотри мне в глаза и передай мне сахар.
Твоё бельё на стуле выглядит так прозрачно.
Не надо мне больше звонить. Я засылаю сваху.
Уедем, мой ангел, на фиг, навсегда на дальнюю дачу.

Будем топить камин, будем окучивать грядки,
стричь газон и в шезлонгах читать друг другу из Фета.
И будет вечный июль, и всё будет вечно в порядке.
Ты в венке из укропа – мечта для гипноэстета.

25. Клепсидра

Иногда так случается нерегулярно –
меня стимулируют монструозно.
Катализаторы вливаются венозно,
а стихи выливаются капиллярно.

26. Восьмисвечник

Говорят, что женщины чувствуют всё.
Ещё говорят, что сны безвозвратны.
Я слышал, что нет городов и сёл,
что чай фруктовые страшно отвратны.

Говорят, что мысль страшнее, чем штык,
что каждый глоток насквозь иллюзорен,
что если ты баба, то нужен мужик,
а если мужик – то бухнул, и доволен.

Но закрыты ларьки в этом городе N.
Я пью яблочный чай в нарисованной кухне,
возвращаю сны. В этом мой дзэн.
Рухни же, мир. Ну, пожалуйста, рухни.

27. Рижские частушки

Тяжело женатому
в холостой пирушке.
Забирайте меня в ночь,
мёртвые подружки.

Приходи ко мне, Шарлотта,
будем тырить алкоголь.
Полюби меня такого –
нищего и жалкого.

У тебя калейдоскоп,
у меня – история.
Нарисую цифру восемь
мелом на заборе я.

На заборе цифра восемь,
за забором ничего.
Я работаю вахтёром
бодхисатвы одного.

Всё естественное свято,
сущее всё сущно.
Завтра буду я богатый
и такой цветущий.

28. Чили

Жанну д'Арк не жгли.
Дрезден не бомбили.
Безлошадным сроду вещей был Олег.
Ангелы ушли.
Ангелы забили.
Упырём над свечкой вьётся имярек.

«Смерти нет!» – орёт,
опаляя крылья.
«Восемь! Смерти нет!! Брызги и огни!!!»
Имярек умрёт.
Так-то, Инезилья.
И, летя на свет, мне рукой махни.

29. Gato Negro

Сижу и пью один. На небе муть.
Мне не забыть, а значит, не уснуть.
Я водкой вытравляю эти дни.
Прощай. Прощай. Восьмёрку зачеркни.

Содержание

МАНТРЫ ТРЕТЬЕГО ПОРЯДКА	5
ЧЕРЕПАХА	7
РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ	8
СФОТОГРАФИРОВАНО?	9
4004	10
НАБОКОВСКИЙ СОНЕТ	11
СПИРАЛЬ	12
ПЕПЕЛ	14
КОЛЫБЕЛЬНАЯ НАСЛЕДНИКУ	16
СЕМИРАМИДА-2	17
АЛГЕБРА	18
ЕВРАЗИЯ	19
ХУЛИО	20
ЛЮБОВЬ НОМЕР	21
МАРИЯ	22
РЭМБО. ПЕРВАЯ КРОВЬ	23
АЙСЕДОРА	24
СИДЕНИЕ	26
ПАРТЕНОГЕНЕЗ	27
WITH A WHIMPER	28
ЛТ ИЛИ ТРЕТЬЕ УТРО	29
МЕНЕСТРЕЛЬ	30
АСФИКСИЯ	31
КОСМОС КАК ПРЕДЧУВСТВИЕ	32
УЛИСС	33
ХИДЖРА	34
КИТАЙСКИЕ ШАШКИ	35
ИВАНОВ ДЗЭН	36

HIC SUNT LEONES 37

HIC SUNT LEONES 39

1. Gato Blanco 39
2. Васильев 42
3. Средние лета 43
4. Поэзия вообще 44
5. Вечер у Клэр 45
6. Альмутасим 46
7. Костанжогло 48
8. Первый брак 49
9. 01:42 50
10. На смерть Кастанеды 51
11. Тебе, если ты 52
- Интерлюдия. «Аспирин» 53
12. Барсетка 54
13. Синхронное плавание 55
14. Православие моё 56
15. Soup dretat 57
16. Барклай 58
17. Коррида 59
- Интерлюдия. «Божественный ветер» 60
18. Золото 61
19. Буйволиная песня 62
20. Метрополитен 63
21. Как свирель 64
22. Главспирттрест 66
23. Новая волна эротизма 67
24. Выход 68
25. Клепсидра 69
26. Восьмисвечник 70
27. Рижские частушки 71
28. Чили 72
29. Gato Negro 73

Книжная серия «Воздушный змей: Первый полет» –
дебютные книги русских поэтов и прозаиков Эстонии

Ирина Мелякова
МУРАВЕЙНИК
Стихи

Дмитрий Краснов
ЛЕТНЕЕ ПЕРЕМИРИЕ
Стихи

П.И.Филимонов
МАНТРЫ ТРЕТЬЕГО ПОРЯДКА
Стихи

П.И.Филимонов
ЗОНА НЕЕВКЛИДОВОЙ ГЕОМЕТРИИ
Роман

Книжная серия «Воздушный змей: Первый полет»

Адрес редакции:

Vanemuise 19
Tartu
Estonia, 51014

www.tvz.org.ee
tvzorg@hotmail.ee